

УДК 71.82
DOI 10.52452/19931778_2024_3_187

ВАРЬИРОВАНИЕ ИДИОМ И ПРОБЛЕМА ИНВАРИАНТА

© 2024 г.

П.С. Дронов

Институт языкознания Российской академии наук, Москва

dronov@iling-ran.ru

Поступила в редакцию 05.05.2024

Статья посвящена проблеме варьирования идиом. Разграничиваются понятия варьирования в широком смысле (со включением синонимии) и вариантности (системно-языкового изменения плана выражения идиомы, при котором план содержания остается в целом неизменным), дается определение различных типов вариантности. Одним из ключевых понятий варьирования идиом является инвариант – сохранение ключевых элементов фразеологизма во время изменений и преобразований. Синонимичные единицы (т.е. слова и фразеологизмы, относящиеся к одному синонимическому ряду) имеют общий логико-семиотический инвариант. Все варианты, признаки реализации идиомы – как в плане выражения, так и в плане содержания – могут быть сведены к структурно-семантическому инварианту. Кроме того, существует чисто структурный инвариант, общий для т.н. абсолютных синонимов – синонимичных идиом, похожих до степени смешения, но не являющихся вариантами. Соответственно, следует говорить о трех аспектах инварианта идиомы. На этом основании проводится разграничение между идиомами и фразеологизмами-конструкциями типа *X он и в Африке X*: последние имеют максимально абстрактный (вплоть до возможности сведения его к лексической функции наподобие Magn или Oper) логико-семиотический инвариант и максимально конкретный структурный инвариант.

Ключевые слова: идиомы, варьирование, вариантность, инвариант.

Введение

Исследование самых разных вопросов языкознания так или иначе затрагивает проблему варьирования, которое осмысливается под тем или иным углом зрения в отношении разных объектов исследования. Так, исследуется «вопрос о существовании некоторых реальных ограничений (констант), задающих пространство типологических возможностей варьирования (переменных) естественных языков» [1, с. 27] (разрядка оригинала. – П.Д.). Вопросы варьирования рассматриваются в аспекте тождества и подобия: до каких пределов можно говорить о том, что одна единица является лишь разновидностью другой и с какого момента можно говорить о том, что перед наблюдателем две разные единицы, пусть и обладающие известным сходством. Неизменно возникает противоречие тождества и подобия, т.е. лишь частичного сходства объектов ($X \approx X$). Это противоречие осложняется тем, что близость и подобие могут быть мнимыми: Л.А. Новиков замечает, что (прежде всего, в поэтическом языке) *A – почти как B* может означать эмфатическое отрицание, *A – отнюдь не B*, ср. у А. Галича: *Были лица – почти как лица, // И почти как слова – слова* [2, с. 122]. Тема варьирования рассматривается также в аспекте креативного использования языка. Креативность – как осознаваемая (в рамках «языка как искусства»), так и неосознанная и непред-

намеренная (в том числе такая, которую можно принять за оговорку или даже безграмотность) – является неотъемлемой чертой языковой деятельности, сосюрковского «langage». Употребление языка предполагает «знакомство со стереотипами и клише, с преходящей модой на фигуры выражения – с претензиями на креативность, зафиксированными в памяти народной» [3, с. 21], однако понятие креативности оказывается сродни невероятности и невозможности: «Чем менее вероятно и правдоподобно слово в данном контексте, тем более креативно с ним предложение» [там же, с. 22].

Понятия варьирования, вариативности, вариантности, трансформации наполняются содержанием или объемом, требуемым той или иной научной дисциплиной. Содержание этих понятий описывается в толковых и специализированных словарях, уточняется в терминологических исследованиях. Согласно толкованию в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, *варьироваться* означает «видоизменяться» [4, с. 69]. В «Словаре социолингвистических терминов» приводится дефиниция вариативности языка/речи: «Способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин» [5, с. 35]. Подобные конкурирующие сред-

ства выражения являются неотъемлемой чертой синтагматических связей, относящихся к самым разным уровням языка – фонетическому, морфологическому, синтаксическому; неслучайно термины «аллофон» и «позиционный вариант фонемы», «алломорф» и «вариант морфемы» являются синонимами.

Варьирование фразеологизмов исследуется в течение долгого времени и в рамках различных направлений и подходов – например, структурализма, когнитивной лингвистики, лингвокультурологического метода (по поводу истории вопроса, основных точек зрения и понятий, связанных с варьированием, см. [6]).

Варьирование фразеологизмов может наблюдаться на всех ярусах языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и словообразовательном, синтаксическом и даже текстовом. Этот феномен, прежде всего, характерен для идиом и паремий ввиду особенностей их грамматической структуры (словосочетания или предложения) и наличия у них нетривиально кодируемой семантической составляющей, которая может быть подвержена как устареванию, так и «обновлению». Последнее выражается в переоформлении плана выражения и переосмыслении плана содержания. Варианты идиом являются результатом трансформации или модификации.

Вариантность включает следующие типы изменений: **трансформация** (узкая и окказиональная) и **модификация** (креативно-дискурсивная и индивидуально-авторская).

Трансформация – тип вариантности, системно-языковое или субсистемное (региональное, субстандартное) изменение плана выражения идиомы, которое обусловлено возможностями идиомы как единицы данного языка и не ведет к нарушению семантического тождества.

Модификация – тип вариантности, системно-языковое изменение плана выражения идиомы, которое носит креативно-дискурсивный и индивидуально-авторский характер. При этом процесс модификации способен при определенных условиях привести к образованию автономной единицы.

Варьирование и синонимия

Понятия «вариант» и «синоним» пересекаются, поскольку описывают сходство между фразеологизмами-идиомами на уровне плана содержания и плана выражения. В сущности, синонимия идиом является проявлением феномена варьирования. Различие между понятиями варианта и синонима заключается в том, что синонимия весьма широка и разнообразна. В

одном синонимическом ряду могут находиться единицы не только разной структуры, но и разного типа: слова, фразеологизмы, морфемы. При этом встречаются абсолютные синонимы, которые трудно отличить от вариантов идиомы (ср. *собаку съесть* vs. *зубы съесть*). Общему значению могут сопутствовать схожие или, наоборот, совершенно различные образные составляющие, структурные модели.

По этой причине необходимо провести черту между варьированием в широком смысле, т.е. существованием единиц, имеющих исключительно семантическое сходство (синонимы как таковые), имеющих и семантическое сходство, и структурное подобие (абсолютные синонимы), и вариантностью. Последняя касается именно разновидностей одной и той же фразеологической единицы.

Если варьирование – это понятие, охватывающее все явления, связанные с выбором и изменением фразеологизма, от синонимии до вариантности, то вариантность – это одно из проявлений варьирования, системно-языковое изменение плана выражения идиомы, при котором план содержания остается неизменным.

Синонимами являются «слова одной и той же части речи (а также, в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические конструкции), имеющие полностью или частично совпадающие значения» [7, с. 477]; при этом в качестве синонимов могут выступать слово и словосочетание, слово и аффикс [там же]. Это кажущееся противоречие снимается (по крайней мере, в отношении фразеологии) тем, что в синонимический ряд обычно входят те фразеологизмы, которые могут быть соотнесены с одной и той же частью речи; как отмечает В.П. Жуков, многие фразеологизмы (в основном глагольного и наречного характера) употребляются в качестве одного члена предложения и имеют схожую или одинаковую сочетаемость [8, с. 4].

Исходя из определений, приведенных выше, синонимами могут быть не только слова и фразеологизмы, слова и аффиксы, но и фразеологизмы разной структуры и разных типов. В одном синонимическом ряду могут находиться идиомы с разной структурой, например, *пройти огонь, воду и медные трубы* и *стреляный воробей*; также синонимами могут быть и идиомы, и коллокации. Возьмем словосочетания, обладающие почти идентичным компонентным составом: *вступить в права (собственности, наследования...)* и *вступить в свои права*. Различие между ними заключается в том, что в первом случае субъектом является человек, физическое лицо (фактически, здесь перед нами коллока-

ция, в которой метафорически переосмыслен и употреблен во фразеологически связанном значении только глагольный компонент *вступить*), а во втором – некий неодушевленный предмет или какое-либо явление. Ср.: *Лето в Сочи вступает в свои права с трудом: бывает, что и в июне люди носят плащи – моросит холодный дождь* [Ю.Н. Карпун. Природа района Сочи (1997); НКРЯ] (примеры, обозначенные пометой «НКРЯ», взяты из Национального корпуса русского языка [9]). Благодаря приему олицетворения *X вступает в свои права* оказывается уже не коллокацией, а идиомой. Тем не менее близость значения двух фразеологических единиц делает их синонимами.

При этом внешнее сходство и близость компонентного состава двух фразеологизмов не может быть основным критерием для определения их как синонимов. Так, не являются синонимами английская идиома *sacred cow* (эквивалент рус. *священная корова*) и речевая формула *Holy cow!* (букв. «святая корова», «междометный фразеологизм» по А.В. Кунину, результат эфемизации сакральной фразеологии, ср. «междометный фразеологизм» *Holy Mary!* ‘Святая Мария!’). Данный пример приводится в [10, с. 93]; очевидно, что это автономные единицы, имеющие разное значение и происхождение.

Идиомы, входящие в один синонимический ряд, могут иметь схожую структурную модель и совпадающий компонентный состав, например, *нужен как рыбе зонтик* и *нужен как собаке пятая нога*. В то же время многие идиомы, принадлежащие одному семантическому ряду, имеют разные компонентный состав, структурную модель и образную составляющую: *(чего-л.) как грязи* и *(что-л.) хоть в бочке соли*.

Подобно синонимичным словам, синонимичные идиомы могут быть различны с точки зрения прагматики и допустимости в том или ином контексте: «<...>идиома *протянуть ноги* описывает ситуацию, когда человек умирает из-за отсутствия жизненно необходимых ресурсов (как правило, из-за недоедания), а идиома *хватил кондрашка* уместна только в ситуации, когда человек неожиданно умирает естественной смертью, связанной с сильным душевным потрясением или приступом болезни» [11, с. 53].

В целом, если рассматривать синонимию не только с точки зрения семантики и стилистики, но и с точки зрения логической эквивалентности (т.е. полной или частичной заменяемости в тексте), то становится понятно: синонимия является частным случаем варьирования. Говорящий или пишущий постоянно выбирает из целого ряда слов и выражений наиболее подходящее в зависимости от контекста и от своих

намерений – хотя, как писал Г.О. Винокур, «...в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребенок* или *дитя*, *дорога* или *путь* и т.п.» [12, с. 25]. Однако именно из-за того, что говорящему «не все равно, как сказать», он выбирает один вариант из множества возможных.

Как и слова, фразеологизмы могут одновременно входить в разные синонимические ряды, ср. устойчивые сравнения, основанные на разных признаках и свойствах объектов: *<бледный> как смерть* – *<бледный> как полотно*; *<худой> как смерть* – *<худой> как щетка*, *<лететь> <быстро> как стрела* – *<лететь> как ветер*; *<прямой> как стрела* – *<прямой> как палка* (см. [13, с. 142]). Сам факт того, что одно и то же сочетание слов может использоваться как сравнение с бледностью и худобой, скоростью и прямоотой и т.д., показывает: денотаты идиом – это не сами объекты, а их знаки, свойства и функции.

Идиомы, имеющие как формальное, так и семантическое сходство, мы предлагаем называть **абсолютными синонимами**. Такие абсолютные синонимы так близки друг к другу, что могут быть приняты за варианты одной единицы. От варианта абсолютный синоним отличается значением, сочетаемостью (пример отличий семантики и сочетаемости – *X по душе Y-му* vs. *X по сердцу Y-у*; в первом случае слот Y заполняется наименованиями лиц, личных качеств или предметов, а во втором – наименованиями лиц или произведений искусства) или происхождением (*собаку съест на чем-л.* vs. *зубы съест на чем-л.*; в первом случае идиома образована в результате сокращения пословицы *Собаку съел, только хвостом подавился*, а во втором – возникла на основе коллокации *съест зубы* ‘сточить зубы, лишиться зубов’).

Сравним идиомы *сидеть на горбу* (*чьем-л., у кого-л.*), *сидеть на шее* (*чьей-л., у кого-л.*), *сидеть/сест на голову* (*кому-л.*), *сидеть/сест на шею* (*кому-л.*) *<и ноги/ножки свесить>*. Согласно словарю А.И. Федорова, первые две идиомы означают ‘быть на чьем-либо содержании’ (*сидеть на шее* истолкована немного иначе: ‘быть на чьем-либо содержании, иждивении’) [14, с. 614, 615]. *Сидеть на шею* получает в словаре А.И. Федорова следующее толкование: «1. Переходить на иждивение, содержание кого-либо. <...> 2. Использовать кого-либо в корыстных целях, подчиняя себе, ставя в полную зависимость от себя» [14, с. 590]. *Сидеть на голову* описывается как «То же, что *сидеть верхом на кого*» [там же]; *сидеть верхом (на кого-л.)* же протолковано как «Полностью подчинять своей воле, заставлять

исполнять свои необузданные желания, капризы» [Там же, с. 589–590].

Сидеть на шее и *сесть на шею* (в первом значении ‘переходить на иждивение’) состоят в отношениях актантной деривации. В то же самое время аналогичный дериват для *сидеть на горбу* (т.е. *садиться/сесть на горб*) в словарях не фиксируется; в корпусах текстов обнаруживаются единичные примеры наподобие *Иногородные сели на горб казакам и правят, а по какому такому праву?* (П.Н. Краснов); данное словосочетание употреблено в значении ‘использовать кого-л. в корыстных целях, подчиняя себе’. Что касается *сидеть на голове*, то данное выражение не может считаться дериватом *садиться на голову*, поскольку означает совсем иное: ‘сидеть в тесноте’ (ср.: *музыканты вынуждены сидеть на голове у публики* [Алексей Асланянц. Барселона (2007); НКРЯ]). Кроме того, часто встречается словосочетание с глаголом *сидеть* в значении ‘об одежде: находиться на фигуре, подходя или не подходя к её формам’ [Ожегов, Шведова 2006: 716]: *Шлем для контактного каратэ выгодно отличается от боксерского тем, что плотнее сидит на голове и имеет прозрачное пластиковое забрало, которое дает возможность достаточно сильно наносить прямые и секущие удары в лицо* [Что бережет береженого (2004) // «Боевое искусство планеты», 10.06.2004; НКРЯ]. Очевидно, что здесь *сидеть на голове* не имеет никакой связи с идиомой *садиться на голову*. Впрочем, в основном корпусе НКРЯ обнаруживается пример употребления *сидеть на голове* в значении, близком к значению *садиться на голову*: *До каких пор будет продолжаться это безобразие? До каких пор будут сидеть на голове у писателя? Чудовищно! Стыдно! Михайлов опять покраснел, но сохранил самообладание* [А.А. Бек. Дневник (1966); НКРЯ].

Отличия в образной составляющей и в структурной модели (разная валентность) не позволяют считать словосочетания *садиться на голову (кому-л.)* и *садиться верхом (на кого-л.)* вариантами одной идиомы; поэтому их следует признать синонимами. При этом у *садиться верхом* в значении ‘полностью подчинять своей воле, заставлять исполнять свои необузданные желания, капризы’ в Национальном корпусе русского языка встречаются примеры актантной деривации, т.е. *сидеть верхом / ездить верхом*, ср.: *Мало тебе зубов-то отец выколол за меня! – крикнул новичок, – мошенник Тришка вздумал на мне верхом ездить!* [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848); НКРЯ].

Садиться на голову и *садиться на шею* имеют одинаковые значение и синтаксическую

структуру, но при этом *садиться на шею* допускает расширение компонентного состава *сесть на шею* и *ноги/ножки свесить*, невозможное для *сесть на голову*. В корпусах текстов обнаруживается всего один пример употребления *сесть на голову* и *ножки свесить*: *Но если ребенок будет считать себя главным в семье, он может сесть на голову и ножки свесить, разве нет?* [Катаева Виктория. Сергей Селин: Хочу быть баринком! // Труд-7, 2006.08; НКРЯ]. Это связано, по-видимому, с различиями в образной составляющей: в обоих случаях контроль и управление осмысляются как сидение в верхней точке человеческого тела (оппозиция телесного верха и низа), но сидение на голове является значительно менее удобной и устойчивой позицией, не позволяющей «свесить ноги».

Одинаковые значение и синтаксическая структура, а также сходство образной составляющей свидетельствуют о том, что *сесть на голову* и *сесть на шею* – варианты одной идиомы, хотя увеличение компонентного состава возможно, по-видимому, только для одного из них. Соответственно, с учетом возможных трансформаций эта идиома может быть представлена как *садиться/сесть на голову / на шею <и ноги/ножки свесить>*.

Здесь мы имеем дело с синонимическим рядом, объединенным идеей полного подчинения кого-либо своей воле: *сидеть на горбу* – *сидеть на шее*; *сесть на голову/на шею* <*и ноги/ножки свесить*> – *сесть верхом на кого-л.* Некоторые из идиом оказываются в синонимическом ряду только в одном из своих значений (*садиться верхом на кого-л.*). Каждый из синонимов в ряду имеет свои варианты. Словосочетания *сидеть на голове*, *сесть на горб* – окказиональные трансформации, возможные в таких случаях из-за близости идиом, находящихся в одном синонимическом ряду.

Важность формы и структурной модели идиомы для их классификации особенно видна на примере таких идиом, как *молоть языком* и *язык без костей*. Хотя они обе означают одно и то же (‘кто-либо очень разговорчив, не в меру болтлив, говорит глупости’ – толкование для *язык без костей* в [15, с. 768]; ‘болтать много и глупо’ – толкование для *молоть языком* в [16, с. 437]), в одном случае семантический субъект употреблен в форме именительного падежа (т.е. совпадает с синтаксическим: *кто-л. мелет языком*), а в другом – в форме родительного (*у кого-л. язык без костей*). Кроме того, хотя в значении идиом болтливость осмысляется как необычная подвижность языка, в одном случае используется механистическая метафора (язык уподобляется быстро движущемуся мельничному жернову,

т.е. механизму), а в другом – анатомическая (подвижность языка осмысливается как подвижность органа, не имеющего костной структуры и не ограниченного в движениях). Разная синтаксическая структура и различия в выборе метафоры не позволяют считать эти два выражения вариантами. Это синонимичные, хотя и близкие по форме и содержанию, идиомы.

Необходимо провести черту между варьированием в широком смысле, т.е. существованием единиц, имеющих исключительно семантическое сходство (синонимия вообще), имеющих и семантическое сходство, и структурное подобие (абсолютная синонимия), и являющихся или вариантами одной (тождество), или самостоятельными, но близкими (подобие), и вариантностью. Последняя касается именно разновидностей одной и той же фразеологической единицы. Сформулируем **критерии разделения** вариантов и синонимов у идиом.

1. Таксономический критерий. Синонимы предполагают включение в синонимический ряд единиц разных типов, тогда как варианты находятся в рамках одного.

2. Структурный критерий. Синонимы в широком смысле могут иметь любую структуру. Идиомы, синонимичные в узком смысле, имеют близкую структурную модель, но с заметными различиями. Варианты одной идиомы имеют схожую структурную модель с незначительными различиями.

3. Семантический критерий. Синонимы в широком понимании охватывают все количество единиц, которые могут быть включены в один синонимический ряд, сводимый к одному логико-семиотическому инварианту. Синонимы в узком смысле (абсолютные синонимы) имеют одно значение, так же как и варианты. Образные составляющие синонимичных идиом могут быть различны, но эти различия не исключают выбора образа из одной сферы или одного синонимического ряда. Образные составляющие вариантов одной идиомы близки или идентичны и могут быть сведены к одному структурно-семиотическому инварианту как доминанте вариантного ряда.

Из структурного и семантического критериев можно вывести предел вариантности – такое преобразование (модификацию) идиомы, результат которого (модификат) перестает восприниматься говорящими как вариант идиомы и начинает пониматься скорее как автономная синонимичная единица (ср. классификацию вариантности пословиц с компонентами-антропонимами по М.Л. Ковшовой [17, с. 24]: варианты, вариации, автономные единицы). В сущности, при образовании отфразеологических одно-

словных дериватов (отфразем) тоже можно говорить о переходе из вариантности в синонимию по таксономическому критерию.

Вариантность и инвариант

Хотя трансформации идиом похожи на трансформации свободных сочетаний, есть определенные отличия, обусловленные устойчивостью и воспроизводимостью идиом. Так, едва ли возможно говорить о конверсии и актантной деривации идиом как об исключительно синтаксических трансформациях. В случае идиом они одновременно являются лексическими и морфологическими, так как изменение семантических ролей в словосочетании здесь достигается путем не только передвижения составляющих, но и замены глагольного компонента, изменения грамматической формы составляющих идиомы: ср. рус. *быть под колпаком* (у кого-л.) – *держат под колпаком* (кого-л.) – *брать/взять под колпак* (кого-л.). В данном случае следует говорить о словоизменительных парадигмах, основанных на конверсии, каузации и инцепции (ср. [18, с. 127]).

Поведение идиомы зависит, во многом, от ее синтаксической структуры (NP + PP: *семь пядей во лбу*, VP + NP: *дать кому-л. зеленый свет*, VP + PP: *стрелять из пушки по воробьям*). Так, структура NP + PP может быть превращена в VP + PP: *быть семи пядей во лбу* / *иметь семь пядей во лбу*. При этом далеко не все идиомы со структурой VP + NP имеют похожую парадигму. Если идиома занимает позицию аналитического прилагательного и поясняет некое предыдущее высказывание (P – *водой не разольешь*), изменение ее компонентов крайне ограничено, а иногда и вовсе невозможно: можно сказать и *друзья – не разлей вода*, и P (как правило, *друзья*) – *водой не разольешь* / *не разлить*, но вряд ли можно изменить грамматическую форму компонентов идиомы *работа – не бей лежачего*.

Возможность образования парадигмы диктуется тем положением, которое занимает идиома: например, если ее ближайшим однословным эквивалентом является глагол, то она, вероятно, получит видовую и/или временную парадигму (ср. *дать дуба* ‘умереть’ – *дал дуба* – *даст дуба* – *давал дуба* – *дает дуба*). Идиома, как правило, употребляется в совершенном виде, т.е. содержит семантический компонент «внимание на конечной фазе». В то же время в контексте снятой утвердительности (1a) и настоящего времени (1b) подобное сочетаемое и семантическое ограничение снимается, и у идиомы появляется семантика процессуальности и «внима-

ния к начальной фазе» [19], однако сохраняется и компонент «внимание к конечной фазе». Ср.:

(1) **а.** Так бедолага и продолжал коротать свой неразменный червонец от звонка до звонка, если силенок хватало, если *не «давал дуба»*, не сходил с дистанции где-нибудь в середине «забега» [Георгий Жженов. Прожитое (2002); НКРЯ]. **б.** Друзья и знакомые начинают советовать ему, что делать и какие таблетки принимать. Эти советы радикальным образом приближают третий этап. – И какой же третий этап? – уже заинтересованно спросил Чернов. – Последний! – победно объявил Витченко. – *Большой дает дуба!* [Михаил Ходаренок. Зенитные ракетные страсти // «Звезда», 2001; НКРЯ].

Модификация – это тип вариантности, который носит креативно-дискурсивный и индивидуально-авторский характер. При модификации преодолеваются пределы и ограничения, которые узус (а порой и сами возможности языка) накладывает на системные трансформации идиом. Изменение плана выражения идиомы может затрагивать план содержания идиомы. Креативно-дискурсивный вариант-модификат показан в примере (2а), примером индивидуально-авторского модификата является (2б):

(2) **а.** Однако в конце концов все наладится, и «Агент Коди Бэнкс» снова *станет на ладные бондовские рельсы* — с погонями, лыжными спусками, странными летающими аппаратами и взрывом секретной лаборатории в финале [Внуки шпионов // Известия, 2003.08; НКРЯ]. **б.** Весь акт прошел ярко и произвел огромное впечатление. <...> *Интонация поставила поезд на надлежащие рельсы, и поезд засвистел, понесся стрелой* [Ф.И. Шаляпин. Моим детям; НКРЯ].

Одним из ключевых понятий концепции варьирования идиом является инвариант. Инвариант, т.е. сохранение ключевых элементов фразеологизма во время изменений и преобразований, может быть интерпретирован по-разному. Прежде всего, имеется в виду логико-семиотический инвариант (по Г.Л. Пермякову), который может быть общим для целого синонимического ряда. Понятие логико-семиотического инварианта можно объяснить следующим образом:

«... пословицы и поговорки (как и другие изречения данного жанра) не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами.

А раз они знаки, то не так важна их “отделка”, их внешняя образность, как то, что они означают, какова суть передаваемой ими жизненной (или мыслимой) ситуации» [20, с. 21] (разрядка оригинала. – П.Д.).

В.М. Солнцев подчеркивает, что вариант и инвариант [от лат. *invariants, invariantis* ‘неиз-

меняющийся’] «суть две стороны одного предмета», однако «<...> инвариант нельзя выделить как некоторую самостоятельную вещь. Инвариантность существует в предмете как общее в отдельном» (разрядка оригинала. – П.Д.) [21, с. 217–218].

Очевидно, что инвариант является неотъемлемой частью варьирования; как пишет В.Н. Телия, «термины инвариант – вариант (или виртуальная – актуальная единица) должны применяться по отношению к плану содержания значимых единиц» [22, с. 55]. Следует понимать, что инвариант – единица не конкретная, а абстрактная: к примеру, фонема содержит интегральные и дифференциальные признаки, но сама не является одним из способов конкретной реализации звука, т.е. фонема не может быть одним из своих позиционных вариантов. Точно так же инвариант идиомы – это абстрактная единица, в которой сочетаются признаки изменений идиомы при употреблении в речи.

К понятию инварианта близко понятие идиоматической схемы (“*idiom scheme*”), предложенное Р. Гиббсом и Х. Колстоном. В качестве иллюстрации они приводят идиому *to shake in one’s shoes* ‘дрожать от страха’ (букв. «дрожать в своих ботинках»), имеющую много лексических и морфологических вариантов: *shake/quake/quiver in one’s shoes/shoe/boots/boot/Doc Martens*. Во всех этих вариантах идиома сохраняет свое значение, и из этого авторы делают вывод, что устойчивость идиомы (ее «семантическая идентичность») обеспечивается не стабильностью лексического состава, а сохранением лежащей в ее основе концептуальной схемы: «Идиоматические схемы <...> имеют общий референт, общую метафору или метонимию, близкие по происхождению и значению компоненты, однако не обязательно имеют какую-либо устойчивую структуру или конкретные компоненты» [23, с. 833]. Очевидно, что не всякая идиома образует подобную схему: инварианты идиом имеют различные аспекты.

Синонимичные единицы (т.е. слова и фразеологизмы, относящиеся к одному синонимическому ряду) имеют **общий логико-семиотический инвариант**.

Все варианты, все признаки реализации идиомы могут быть сведены к структурно-семантическому инварианту, например, *витать <парить> в облаках <эмпиреях>*, *надеть маску <личину>*. В признаки реализации входят словоизменительная парадигма, трансформации и (потенциально) возможные модификации идиомы. Такой инвариант содержит информацию о структурной модели, происхождении и значении идиом (в том числе о критериях соположения означаемого и означающего).

Абсолютные синонимы, описанные в предыдущем параграфе, имеют логико-семиотический инвариант, однако у них нет структурно-семантического инварианта. Поскольку абсолютные синонимы не только близки по значению, но и имеют одну структурную модель, их инвариант в «свернутом» виде содержит данные об этой модели, о близости компонентного состава и структуры идиом (в частности, валентности – например, *собаку съест на чем-л.* и *зубы съест на чем-л.*). По этой причине инвариант абсолютных синонимов следует называть **структурным**.

Соответственно, следует говорить о трех аспектах понятия инварианта. Во-первых, он связан с логико-семиотическими отношениями между идиомами (и иными языковыми единицами с близким значением). Во-вторых, инвариант затрагивает структурную модель, общую для абсолютных синонимов. В-третьих, он затрагивает семантические и формальные отношения между трансформатами и модификатами идиом. На этом основании мы также можем провести разграничение между идиомами и таким видом фразеологических единиц, как фразеологизмы-конструкции наподобие *X – он и в Африке X, где уж нам/мне/им Р* (см., например, [24]): фразеологизм-конструкция имеет максимально абстрактный (вплоть до возможности сведения его к лексической функции наподобие *Magp* или *Oper*) логико-семиотический инвариант и максимально конкретный структурный инвариант.

Заключение

Варьирование – это понятие, охватывающее все явления, связанные с выбором и изменением фразеологизма, от синонимии до вариантности. Варьирование в плане содержания лежит в основе синонимии, варьирование в плане выражения лежит в основе вариантности, или вариативности. Разграничение вариантов и синонимов основано на трех критериях – таксономическом, структурном и семантическом.

Вариантность (вариативность) – одно из проявлений варьирования, системно-языковое изменение плана выражения идиомы, при котором план содержания остается неизменным. Вариантность включает в себя следующие типы изменений: трансформация (узальная и окказиональная) и модификация (креативно-дискурсивная и индивидуально-авторская). Исследование варьирования невозможно без учета инварианта, который имеет три аспекта – логико-семиотический, структурный и структурно-семантический.

Список литературы

1. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2005.
2. Новиков Л.А. Анализ противоположности в семантике // Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.
3. Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 21–104.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А Темп», 2006.
5. ССТ – Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006.
6. Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.
7. Новиков Л.А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
8. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В.П. Жукова. М.: Рус. яз., 1987.
9. Национальный корпус русского языка: сайт. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: Международные отношения, 1972.
11. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Семантические отношения во фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: Издательство РГГУ, 2011.
12. Винокур Г.О. Проблемы культуры речи // Русский язык в советской школе. 1929. № 5.
13. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / Предисл. и закл. ст. Е.В. Огольцевой. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.
14. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008.
15. АСРФ – Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.
16. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб.: Типография Акц. Общ. «Брокгауз и Ефрон», 1912.
17. Ковшова М.Л. Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. № 2 (2). С. 20–32. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32.

18. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, Наука, 2013.

19. Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидикативность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог 2018». Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г. (сайт). URL: <https://www.dialog-21.ru/media/4323/paduchevaev.pdf> (дата обращения: 11.08.2023).

20. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Сост., и вступ. ст. Г.Л. Капчица. М.: Наука, 1988.

21. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1977.

22. Телия В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости

и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 30–69.

23. Gibbs, Jr., R.W., Colston H.L. Psycholinguistic aspects of phraseology: American tradition // Burger H., Dobrovolskij D., Kühn P., Norrick N.P. (eds.) *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research*. 2. Halbband/Volume 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 819–836. <https://doi.org/10.1515/9783110190762.819>.

24. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2023. № 3. С. 130–139. DOI: 10.31249/ling/2023.03.10.

IDIOM VARIABILITY AND THE PROBLEM OF INVARIANT

P.S. Dronov

The paper deals with idiom variability, distinguishing between variability in the broader sense (including idiom synonymy) and idiom variation, which is the systemic language change of the idiom's signifier leaving its signified largely intact. Differing types of idiom variation are listed.

One of the key concepts of idiom variability is that of invariant, i.e. the key properties of the idiom that remain unchanged during the transformation. Synonyms (i.e., words and figurative units belonging to one synonymic set) share a logico-semiotic invariant. Variants of one idiom in the domain of both the signifier and signified can be reduced to one structure-semantic invariant. Besides, complete synonyms (i.e., the ones close enough to each other as to cause confusion while not being variants of one figurative unit) share a purely structural invariant. In other words, one should distinguish between three aspects of the idiom invariant. This enables distinction between idioms and syntactic phrasemes, or constructional phrasemes: the latter have a highly abstract logico-semiotic invariant (to an extent of reducing it to a lexical function such as Magn or Oper in Igor A. Mel'čuk's terms) and a highly specific structural one.

Keywords: idioms, variability, variation, invariant.

References

1. Kibrik A.E. Constants and variable languages. St. Petersburg: Aletya, 2005.

2. Novikov L.A. Analysis of contradictions in semantics // Novikov L.A. Selected works. Vol. II: Aesthetic aspects of language. Miscellanea. M.: PFUR, 2001.

3. Demyankov V.Z. Linguocreativity in discourses on the possible and probable // Linguocreativity in discourses of different types: limits and possibilities: A collective monograph / Ed. by I.V. Zykova. M.: R.Valent, 2021. P. 21–104.

4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., add. M.: A Temp LLC, 2006.

5. DST – Dictionary of sociolinguistic terms / Ed. V.Yu. Mikhilchenko. M., 2006.

6. Dronov P.S. Variation, transformation, modification of idiom: understanding concepts // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2021. № 4. P. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.

7. Novikov L.A. Synonyms // Linguistic encyclopedic dictionary / Chief editor V.N. Yarceva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990.

8. Zhukov V.P., Sidorenko M.I., Shklyarov V.T. Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language: About 730 synonyms rows / Ed. by V.P. Zhukov. M.: Russian language, 1987.

9. National corpus of the Russian language: website. URL: <https://ruscorpora.ru> (Date of access: 15.02.2024).

10. Kunin A.V. Phraseology of the modern English language: the experience of systematic description. M.: International Relations, 1972.

11. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Semantic relations in phraseology // Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the annual International Conference «Dialogue» (Bekasovo, May 25–29, 2011). Issue 10 (17). M.: Publishing House of the Russian State University for the Humanities, 2011.

12. Vinokur G.O. Problems of speech culture // Russian language in the Soviet school. 1929. № 5.

13. Ogoltsev V.M. Established comparisons in the system of Russian phraseology / Preface and the final article by E.V. Ogoltseva. The publication is stereotypical. M.: Book house «LIBROCOM», 2015.

14. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. M.: Astrel; AST, 2008.

15. ADRP-Academic Dictionary of Russian Phraseology / Ed. by A.N. Baranov and D.O. Dobrovolsky. 2nd ed., corr. and additional. M.: LEXRUS, 2015.

16. Mikhelson M.I. Russian thought and speech: One's own and another's. Experience Russian phraseology. A collection of devotional words and parables. Posthumous edition. St. Petersburg: Printing house of the joint-stock company of Brockhaus and Efron, 1912.
17. Kovshova M.L. Variability of Russian words with an anthroponym component // VERBA. Northwestern Linguistic Journal. 2021. № 2 (2). P. 20–32. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32.
18. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Fundamentals of phraseology (short course). M.: Flint, Science, 2013.
19. Paducheva E.V. Removed usefulness and non-predicativity // Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the International Conference «Dialogue 2018». Moscow, May 30–June 2, 2018 (website). URL: <https://www.dialog-21.ru/media/4323/paduchevaev.pdf> (Date of access: 11.03.2023).
20. Permyakov G.L. Fundamentals of structural psychology / Comp., and introductory article G.L. Kapchits. M.: Science, 1988.
21. Solntsev V.M. Language as a system-structural Formation. Ed. 2nd, add. M.: Publishing house «Science». The main editorial board of the Eastern Literature, 1977.
22. Teliya V.N. Variation of idioms and principles of identification of variants // Problems of stability and variation of phraseological units. Materials of the interuniversity Symposium (1968). Tula, 1972. P. 30–69.
23. Gibbs, Jr., R.W., Colston H.L. Psycholinguistic aspects of phraseology: American tradition // Burger H., Dobrovolskiy D., Kühn P., Norrick N.P. (eds.) Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research. 2. Halbband/Volume 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 819–836. <https://doi.org/10.1515/9783110190762.819>.
24. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. About one class of phraseological units in the Russian language (phraseological units-constructions) // Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Section 6: Linguistics. An abstract journal. 2023. № 3. P. 130–139. DOI: 10.31249/ling/2023.03.10.